

К ВОПРОСУ О ТВОРЧЕСКОМ СПОРЕ А. В. ЖИГУЛИНА И В. Т. ШАЛАМОВА О ЛАГЕРНОЙ ПОЭЗИИ

В. В. Колобов

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 18 января 2017 г.

Аннотация: в статье впервые исследуются дневниковые записи выдающегося писателя, бывшего узника сталинских лагерей, автора биографической повести «Черные камни» Анатолия Владимировича Жигулина (1930–2000), касающиеся его творческих отношений с другим летописцем ГУЛАГа – Варламом Тихоновичем Шаламовым (1907–1982).

Ключевые слова: Анатолий Жигулин, Варлам Шаламов, Александр Солженицын, история отечественной литературы и журналистики.

Abstract: the paper first examines the diaries of the outstanding writer, former prisoner of Stalinist camps, the author of the biographical novel «Black stones» Anatoly Vladimirovich Zhigulin (1930–2000), on his creative relationship with another chronicler of the Gulag – the Varlam Tikhonovich Shalamov (1907–1982).

Keywords: Anatoly Zhigulin, Varlam Shalamov, Alexander Solzhenitsyn, a history of Russian literature and journalism.

В дневниковых тетрадях и записных книжках А. В. Жигулина 1960-х–1970-х годов, хранящихся в настоящее время в Воронежском областном литературном музее имени И. С. Никитина [1], достаточно часто встречается имя Варлама Тихоновича Шаламова, известного русского писателя, человека трагической судьбы, также прошедшего через сталинские лагеря.

В. Т. Шаламов родился 18 июня 1907 года в городе Вологде в семье священника. В 1926 г. поступает на факультет советского права Московского государственного университета.

Трижды подвергался незаконному (с позиции сегодняшних дней) аресту по политическим статьям УК РСФСР. В общей сложности провел в лагерях 17 лет, и большую часть этого времени – на Соловках, на Колыме, в жесточайших условиях Севера, где окончательно подорвал свое здоровье.

После освобождения начинает работу над первым сборником «Колымские рассказы» (1954). В 1961 г. выходит в свет его первая книжка стихов «Огниво».

В 1962–1964 гг. работает внештатным внутренним рецензентом журнала «Новый мир».

В 1964 г. издает книгу стихов «Шелест листьев». В 1964–1965 гг. завершает сборники рассказов колымского цикла «Левый берег» и «Артист лопаты». В 1966–1967 гг. создает сборник рассказов «Воскрешение лиственницы». В 1967 г. издает книгу стихов «Дорога и судьба». В 1968–1971 гг. работает над автобиографической повестью «Четвертая Вологда». В 1970–1971 гг. работает над «Вишерским антиро-

маном». В 1972 г. издает книгу стихов «Московские облака». Принят в Союз писателей СССР.

В 1973–1974 гг. работает над циклом «Перчатка, или КР-2» (заключительным циклом «Колымских рассказов»). В 1977 г. издает книгу стихов «Точка кипения».

В связи с прогрессирующей болезнью в 1979 г. при содействии друзей и Союза писателей направляется в пансионат для престарелых и инвалидов. В январе 1982 г. по заключению медицинской комиссии переводится в пансионат для психохроников.

17 января 1982 г. умирает от крупозного воспаления легких. Похоронен на Кунцевском кладбище г. Москвы.

Их объединяло общее лагерное прошлое. Оба восторженно восприняли публикацию повести А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» – авторское название рассказа «Щ-854 (Один день одного зека)» – в ноябрьском номере журнала «Новый мир» за 1962 год. Как известно, А. Т. Твардовский, предвидя цензурную непроходимость повести в печать по политическим мотивам, в августе 1962-го года на свой страх и риск обратился к Первому секретарю ЦК КПСС, Председателю Совета Министров СССР Н. С. Хрущеву с просьбой прочесть и оценить произведение А. И. Солженицына. Вещь была настолько сильной, необычной и выходящей за рамки метода соцреализма, что Хрущев не осмелился принимать решение о публикации самостоятельно и в октябре 1962 года включил этот вопрос для рассмотрения на заседании Президиума ЦК КПСС.

Строки из письма В. Т. Шаламова А. И. Солженицыну: «Повесть очень хороша. Мне случилось слышать отзывы о ней – ее ведь ждала вся Москва. Даже

позавчера, когда я взял одиннадцатый номер «Нового мира» и вышел с ним на площадь Пушкинскую, три или четыре человека за 20-30 минут спросили: «Это одиннадцатый номер?» – «Да, одиннадцатый». – «Это где повесть о лагере?» – «Да, да!» – «А где Вы взяли, где купили?» [2, с. 435].

Высоко оценивая художественную и политическую значимость «Одного дня Ивана Денисовича», В. Т. Шаламов, вместе с тем, прямо и честно отмечал и недостатки произведения: «Блатарей в Вашем лагере нет! Ваш лагерь без вшей! Служба охраны не отвечает за план, не выбивает его прикладами. (...) Махорку меряют стаканом! Не таскают к следователю. Не посылают после работы за пять километров в лес за дровами. Не бьют. Хлеб оставляют в матрасе. В матрасе! Да еще набитом! Да еще и подушка есть! Работают в тепле. Хлеб оставляют дома! Ложками едят! Где этот чудный лагерь? Хоть бы с годок там посидеть в свое время» [2, с. 442].

В свою очередь, А. И. Солженицын признавался В. Т. Шаламову: «Я считаю Вас своей совестью и прошу посмотреть, не сделал ли я чего-нибудь помимо воли, что может быть истолковано как малодушие, приспособленчество» [2, с. 446-447].

Первое упоминание об А. И. Солженицыне встречается в дневнике А. В. Жигулина в связи с публикацией в «Литературной газете» рецензии Г. Бакланова «Чтоб это никогда не повторилось» на повесть «Один день Ивана Денисовича», принесшую автору мировую известность.

«23 ноября 1962 года, пятница.

<...> Из рецензии видно, что сказано в повести очень много о жизни заключенных в особых лагерях. Сказано по существу все в смысле фактов. Ведь раньше сам факт существования в прошлом таких лагерей замалчивался. Повесть опубликована в журнале «Новый мир», № 11. Надо обязательно почитать! Да! Разве думал я тогда, что будут печатать такие вещи! Это большая радость, что мы можем теперь рассказать людям о том, что нами пережито! Я не сумею рассказать – пусть другой расскажет. Это очень здорово, очень хорошо!» [Дн. № 78. С. 34–36]. (Здесь и далее дана нумерация дневниковых книжек, сделанная самим А. В. Жигулиным. – В. К.).

«27 ноября 1962 года, вторник.

Сегодня прочитал повесть А. Солженицына. Сила! Это великое произведение великого писателя, жемчужина русской прозы! Думаю завтра дать в редакцию «Нового мира» телеграмму такого содержания:

«Москва, «Новый мир», Солженицыну, Твардовскому. С большой радостью прочел повесть «Один день Ивана Денисовича». Поздравляю автора и редакцию! Это очень здорово, что мы можем, наконец, написать и опубликовать полную правду о том, что нами пережито. Теперь легче дышать и работать, когда правда сказана. Пусть торжествует правда!

Поэт Анатолий Жигулин, бывший заключенный номер И-2-594 Особого лагеря» [Дн. № 78. С. 47–48].

В дневниковой книжке А. В. Жигулина сохранился корешок телеграммы, посланной им в редакцию «Нового мира».

Несмотря на очевидное сходство биографий и жизненных взглядов А. В. Жигулина и В. Т. Шаламова, их творческие отношения складывались не просто.

В свое время Майкл Никольсон (Оксфорд) справедливо заметил: «Издание «Колымских тетрадей» 1994 года позволяет нам воспользоваться некоторыми новыми текстологическими данными: как собственно поэтическими произведениями, так и маргинальными, но важными сопроводительными документами. В нем, кроме самих стихов, исключительный интерес представляют примечания Шаламова к отдельным стихотворениям. Как известно, примечания автора могут иногда коренным образом повлиять на наше прочтение текста» [3].

Нечто подобное нам позволяет сказать изучение эпистолярного и дневникового наследия А. В. Жигулина, в том числе по вопросу дискуссии с В. Т. Шаламовым о методе отображения действительности в художественной литературе.

Стихи Шаламова Жигулин воспринял в целом положительно, хотя и с небольшими оговорками. Вот строки из его дневника:

«9 сентября 1964 года, среда.

...Прочел «Шелест листьев» В. Шаламова. Хороший поэт! Есть очень тонкие и мудрые стихи. Я так не могу писать, так рассудочно, так умно. И не знаю, плохо ли, что не могу. И не только не могу так писать, как Шаламов. Наверное, и не хочу, хотя многое мне очень у него нравится. Просто совсем по-разному

пишем... Левицкий (Левицкий Лев Абелевич [1929–2005] – литературный критик, литературовед. Работал в редакции журнала «Новый мир». – В. К.) говорит, что Шаламова любит Солженицын и не любит Твардовский. Однако «Нов. мир» дает рецензию на книгу Шаламова. Значит, Твардовский может оценить, хотя сам так и не пишет» [Дн. 89, с. 68–69].

Находясь под впечатлением прочитанного, Жигулин пишет своему «коллеге» по колымским лагерям:

«10.1.65 г.

Дорогой Варлам Тихонович!

Я давно знаю и люблю Ваши стихи. Примите от меня в знак признательности одну из худеньких моих книжек. Резали ее жестоко и редакторы, и цензура. Пробоины пришлось латать вещами не новыми и далеко не лучшими. Прочитайте, пожалуйста, второй, «северный», цикл. И в нем далеко не полная правда, и в нем попадают декларации не совсем верные, но прошли и некоторые труднопроходимые вещи: «Костроужбги», «Бурундук» и другие.

Будьте здоровы! Всего Вам самого доброго.

Еще раз спасибо Вам за Ваши великолепные стихи, за книгу «Шелест листьев».

Ваш Анатолий Жигулин» [7].

И все-таки принципиального спора между А. В. Жигулиным и В. Т. Шаламовым о художественном методе отображения действительности в стихах (на рационально-познавательном или эмоционально-образном уровне) избежать не удалось. Когда в Воронеже вышел сборник стихов Анатолия Жигулина «Память» (1964), Шаламов отозвался о книге отрицательно. «По его мнению, «Кострожоги», «Бурундук» и другие мои лагерные стихи плохо передают природу Сибири и Колымы, и что он признает в поэзии только символы. Варлам Тихонович предлагал обратиться к его стихам. Он говорил, что в них плачет каждая травинка, каждый камешек. Но, на мой взгляд, вся суть была в том, что в тех напечатанных тогда стихах Шаламова были травинки и камешки Колымы, но не было людей», – вспоминал А. В. Жигулин [4, с. 4, 15].

Упомянутое Шаламовым стихотворение «Кострожоги», посвященное, кстати, А. И. Солженицыну, является одним из лучших произведений А. В. Жигулина, рассказывающих о трагических моментах в истории нашей страны:

*В оцеплении, не смолкая,
Целый день стучат топоры.
А у нас работа другая:
Мы солдатам палим костры.*

*Стужа – будто Северный полюс.
Аж трещит мороз по лесам.
Мой напарник – пленный японец,
Офицер Кумияма-сан.*

*Говорят, военный преступник
(Сам по-русски – ни в зуб ногой!).
Кто-то даже хотел пристукнуть
На погрузке его слегой...*

*Все посты мы обходим за день...
Мы, конечно, с ним не друзья.
Но с напарником надо ладить.
Нам ругаться никак нельзя [5, 143].*

В письме воронежскому литературоведу, литературному критику, одному из авторов журнала «Новый мир» Анатолию Михайловичу Абрамову (1917–2005) А. В. Жигулин подробно рассказал об истории написания этого стихотворения:

«Иногда конкретный человек, которого я знал, с которым встречался, работал, переходит в стихи почти без всяких изменений. Прямо беру из жизни его, рисую почти с фотографической точностью. Таков пленный японец, офицер Кумияма. Я действительно работал с ним кострожогом. Это было в 1950–51 гг. зимой в Озерном лагере, на 031 командировке, на

лесоповале. Это в 140-ка километрах от Тайшета по железной дороге в сторону Братска. Конечно, я знаю о Кумияме в сто раз больше, чем рассказал о нем в стихах. Лет ему в то время было, наверное, за пятьдесят. Родом он с Южного Сахалина, был у него там небольшой рыбоконсервный заводик. А в армии он действительно был офицером, майором. По-русски очень плохо знал, но хорошо говорил по-английски. <...> Рассказывал он, что у него двое взрослых детей (такого возраста, как я, – мне 20 лет тогда было). В общем обыкновенный живой человек, вовсе не похожий на плакатного самурая» [6].

В качестве «третейского судьи» Жигулин избрал А. И. Солженицына. В ноябре 1964 года А. В. Жигулин отправил в Рязань, где после реабилитации жил и работал знаменитый автор «Одного дня...», письмо и только что изданную книгу «Память». Ответ пришел с некоторым опозданием, вызванным чрезвычайной занятостью Александра Исаевича:

«10.1.65 г. Рязань.

*<...> Я вообще отношусь к поэзии XX века насто-
роженно – крикливая, куда-то лезет, хочет как-то
изощриться особенно, обязательно поразить и уди-
вить, – писал А. И. Солженицын. – Но я рад сказать,
что все это совершенно не относится к Вам. Ваши
стихи сердечно тронули меня, это бывает со мной
очень редко. Вы человек – честный, душевный и дума-
ющий, и все это очень хорошо передают стихи. «Ко-
строжоги» Ваши великолепны, очень хорош «Бурун-
дук». Ощущаю чрезвычайно родственно: «Я был на-
значен бригадиром». «Осенью». Да в машинописном
приложении ни одного не значительного нет. Второй
раздел сборника прочел, только не весь, но большей
частью. Там есть неровности, бывают досадные
прозаизмы (редко, впрочем), есть иногда и тот не-
достаток, который Вы заметили сами, – а в общем,
хоть автор работал на общих, но удивляет светлый
оттенок, который выше всего, – удивляет и радует.
Без всякого насилия, круто и аппетитно (вот диво!)
замешивается у Вас и лагерный быт, и разные виды
работ в стиху! («Золото», «Хлеб», «Ночная смена»
и др.). Интересно сопоставить Вас с Шаламовым. Вы
читали его?» [4].*

Отвечая А. И. Солженицыну на вопрос о Шаламо-
ве, А. В. Жигулин в письме от 26 февраля 1965 года
пишет:

*«<...> Я не знаком с ним лично, но стихи его знаю
и люблю. Это сильный, хороший поэт. Я ему посылал
книжку «Память», правда, без приложения. Шаламо-
ву понравились стихи более близкие ему по манере:
«Мне помнится...» (это он считает лучшим в сбор-
нике), «Береза», «Лес», «Град». Вот что он мне, в част-
ности, пишет: «...Стихотворение всегда символ, знак,
а не рассказ просто. Поэтому «Кострожоги» и др. мне
нравятся меньше. В стихотворении «Кострожоги»
есть только внешние приметы Севера, а главных –
внутренних – нет».*

Я не вполне согласен с Шаламовым. Да, стихотворение может быть знаком, символом, но далеко не всегда. Чаще это живой, трепещущий кусок жизни.

А что касается «Кострожогов», то я вообще не думал ни о каких географических приметах (действие, кстати сказать, происходит в Сибири, а не на Севере). Хотелось прежде всего изобразить людей» [1].

Фрагмент из письма А. И. Солженицына, которое А. В. Жигулин получил 24 апреля 1965 года: «Я не смею никогда судить о теории поэзии (тем более что, по-моему, поэты и сами еще ни разу не договорились о том, что такое поэзия), но мне кажется, Шаламов, говоря Вам о стихе-символе, за которым главное должно стоять неназванным, только предчувствуемым, – распространяет на всю поэзию метод только одного ее направления, хоть и очень ценного, очень нежного, очень плодотворного. У нас это направление началось с Блока (не ручаюсь за точность), включает Ахматову, Пастернака (перечислять тоже не берусь) и, очевидно, самого Шаламова. Со всех сторон мне толкуют, что вот это и есть «единственная и настоящая поэзия» – когда слова даже не имеют прямого смысла, когда переходы неуловимы, алогичны, но вдруг на что-то тебе намекают, что-то навевают. Я согласен – поэзия эта великая, тонкая, изящная, настоящая, я их всех очень люблю. И все-таки никогда не соглашаюсь, что другой поэзии быть не может. По-моему, большинство стихов Пушкина и Лермонтова совершенно не отвечают этим критериям – но ниже ли они? Едва ли. Не уступлю их. (И, что меня очень удивило, Ахматова довольно высоко ставит Некрасова – а уж, кажется, противоположнее поэзии и найти нельзя).

Поэтому я хочу все-таки Вам посоветовать не верить Варламу Тихоновичу, что «Кострожого», «Бурундук», «Хлеб» – не поэзия. Самая настоящая и самая нужная! И если пишется так – пишите!!!

А прозу Шаламова постарайтесь прочесть» [4].

Творческий спор «колымских» поэтов при посредничестве А.И. Солженицына закончился благополучно.

Среди архивных материалов А. В. Жигулина, хранящихся сейчас в Воронежском областном литературном музее имени И. С. Никитина, есть книга В. Т. Шаламова «Дорога и судьба» (М., Советский писатель, 1967). Дарственная надпись на обложке: «Анатолию Владимировичу Жигулину с глубоким уважением и симпатией. Автор В. Шаламов» [1].

Как вспоминал А. В. Жигулин, вскоре после выхода его сборника «Полынный ветер» (М., Молодая гвардия, 1975) В. Т. Шаламов принес в редакцию «Литературной газеты» восторженную рецензию на эту книгу. По каким-то внутренним редакционным причинам рецензия в «Литературке» не была напечатана, но впоследствии вошла в шеститомник писателя. Начиналась она так: «202 раза повторяется слово «Холод» в 144 стихотворениях, составляю-

щих книгу «Полынный ветер». Это – не оплошность, не безвкусица, не бедность, а тончайшее мастерство и богатство поэтического словаря Анатолия Жигулина» [8, т. 5, с. 127–131].

«Жигулин – уроженец Воронежа и «запрограммирован» на воспевание среднерусской природы, – писал далее В. Т. Шаламов. – Среднерусская природа вошла в его стихи, но заняла там очень скромное место, далеко уступающее совсем другим географическим меридианам.

Волею судеб переброшенный на Крайний Север, он стал соревноваться с Рокуэллом Кентом в постижении души Крайнего Севера.

Крайний Север навсегда вошел в стихи и в душу Жигулина» [там же].

Непростая тема взаимоотношений выдающихся русских писателей, летописцев ГУЛАГа – А. В. Жигулина, А. И. Солженицына и В. Т. Шаламова – требует отдельного глубокого исследования, особенно с учетом новейших архивных материалов.

Дневник А. В. Жигулина свидетельствует: и в период начала литературной деятельности А. И. Солженицына, и во время политической травли писателя, изгнания его из России, и в годы его диссидентства, и после его триумфального возвращения на Родину отношение поэта к автору «Одного дня...» и «Архипелага ГУЛАГ» было неизменным. Он всегда считал А. И. Солженицына великим писателем и великим человеком, настоящим патриотом своей страны [9]. Доброжелательно и уважительно он всегда относился к В. Т. Шаламову.

А вот пути А. И. Солженицына и В. Т. Шаламова после окончания хрущевской «оттепели» разошлись. В 1966 году их дружеская переписка была прекращена, отношения перешли в форму полемики, а затем были полностью разорваны. Но это уже совсем другая история...

ЛИТЕРАТУРА

1. Жигулин А. В. Материалы писательского архива (дневники, рабочие тетради, письма) / А. В. Жигулин. – Фонд Воронежского областного литературного музея им. И. С. Никитина.
2. Шаламов В. Т. Собрание сочинений : В 4 т. – Т. 4. – М., 1998.
3. Никольсон М. Шаламов в споре о лагерной поэзии / М. Никольсон // IV-е Международные Шаламовские чтения. Москва, 18–19 июня 1997 г.: Тезисы докладов и сообщений. – М.: Республика, 1997. – С. 104–113. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://shalamov.ru/research/20/>
4. «Трудная тема, а надо писать...»: [Беседа с писателем А. Жигулиным / Записал В. Огрызко] // Книжное обозрение. – 1988. – 19 авг. – № 34. – С. 4, 15.
5. Жигулин А. В. Далекий колокол. Стихи, проза, письма читателей / [сост. И. В. Жигулиной; вступ. ст. В. М. Акаткина] / А. В. Жигулин. – Воронеж, 2001.

6. «Дорогой Анатолий Михайлович!..»: Письма А. Жигулина А. Абрамову / [сост., вступ. ст. и прим. А. В. Фроловой, науч. ред. Т. А. Никоновой]. – Воронеж : НАУКА-ЮНИ-ПРЕСС, 2011. – С. 49–51.

7. Шаламов В. Т. Переписка с Жигулиным А. В. / В. Т. Шаламов. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: [http://](http://shalamov.ru/library/24/30.html)

shalamov.ru/library/24/30.html

8. Шаламов В. Т. Собрание сочинений : В 6 т. – Т. 5 : Эссе и заметки; Записные книжки 1954–1979. – М., 2005.

9. Колобов В. В. Читая дневники поэта... (А. В. Жигулин о времени и о себе) / В. В. Колобов. – ООО «Тамбовский полиграфический союз». – Тамбов, 2016. – 320 с.

Воронежский государственный университет

Колобов В. В., кандидат филологических наук, преподаватель кафедры связей с общественностью факультета журналистики

E-mail: vvkolobov2015@yandex.ru

Voronezh State University

Kolobov V. V., Candidate of Philology, Lecturer of the Public Relations Department

E-mail: vvkolobov2015@yandex.ru